

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
П41

Серия «Классика мировой фантастики»

Вступительная статья *Василия Владимировского*
Перевод *Михаила Энгельгардта*

Иллюстрация к обложке, серийное оформление
и дизайн обложки *Юлии Межовой*

По, Эдгар Аллан
П41 «Падение Дома Ашера», «Рукопись, найденная в бутылке», «Колодезь и маятник» и другие произведения / Эдгар Аллан По.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 508, [2] с.—(Классика мировой фантастики).

ISBN 978-5-17-114056-4

Эдгара Аллана По можно назвать самым первым всемирно известным американским писателем. Он создал современный детектив и жанр психологической прозы, оказал огромное влияние на формирование и развитие научной фантастики. Его почитателями были Жюль Верн, Артур Конан Дойл, Говард Лавкрафт, Владимир Набоков и многие другие. И в наше время творчество Эдгара Аллана По не утратило силы своего воздействия, находя неизменный отклик в сердцах читателей.

© В. Владимировский, вступ. ст., 2019
© Ю. Межова, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ЭДГАР ПО В САДУ РАСХОДЯЩИХСЯ ТРОПОК

В романе Роджера Желязны и Фреда Саберхагена «Чёрный трон» действуют два Эдгара По. Один — солдат, авантюрист, искатель приключений, человек с железными нервами, супергерой, способный выпутаться из любой передряги. Другой — тонкая и уязвимая поэтическая натура, меланхолик, мечтатель и визионер, тяжело страдающий под ударами судьбы. Правда, живут эти герои в разных мирах, в двух параллельных вселенных, и встречаются лишь изредка.

Но это фантастика: в реальности все сложнее. Когда знакомишься с работами историков и литературоведов, складывается ощущение, что в Америке XIX века жили одновременно десятки Эдгаров По — и число их множится с выходом каждой новой биографии, каждой статьи. Этими мало похожими друг на друга людьми можно уже заселить целый город размерами со средний российский райцентр. Чтобы составить подробный перечень всех «альтернативных По», понадобилось бы несколько пухлых томов и годы работы — но можно назвать главные «точки бифуркации», ключевые моменты, где оценки исследователей резко расходятся, и непохожие друг на друга персонажи начинают жить своей собственной независимой жизнью.

НЕБЛАГОДАРНЫЙ ПРИЕМЫШ И ЧЕРСТВЫЙ ОПЕКУН

Эдгар По рано осиротел. Историки до сих пор не могут прийти к единому мнению, куда исчез отец семейства, Дэвид По — умер или попросту сбежал, оставив благоверную с малолетними детьми на руках. Вскоре умерла и мать будущего автора «Вёрона», театральная актриса Элизабет Арнольд По: она скончалась в декабре 1811 года, когда мальчику не исполнилось еще и трех лет. Малолетний Эдгар счастливо избежал отправки в приют: его усыновили Френсис Киллинг Аллан и ее супруг Джон,

тридцатидвухлетний торговец из Ричмонда. Как ни цинично звучит, По повезло: едва ли нищая родня смогла бы дать ему такое воспитание и образование, как приемный отец, а с миссис Аллан его связывали самые нежные и искренние родственные чувства. Более того: именно Джон Аллан невольно привил Эдгару любовь ко всему английскому. Пять лет, с 1815 по 1820-й, семья торговца провела в Шотландии и Англии, где подросток впервые близко познакомился с сочинениями современных британских литераторов, включая лорда Байрона — и навсегда заразился неизлечимым вирусом англофилии. Идиллия, впрочем, продолжалась недолго. Увы, эта поездка стала первым и последним заграничным вояжем Эдгара По — несмотря на многочисленные легенды о его тайном визите в Санкт-Петербург, к созданию которых он сам приложил руку. Английская авантюра поставила семейство на грань разорения, и они были вынуждены ретироваться в Ричмонд.

Пока мистер Аллан не покладая рук восстанавливал пошатнувшееся благосостояние семьи, подросший Эдгар, что называется, начал показывать характер. Выразился этот подростковый бунт прежде всего в череде пылких влюбленностей — в том числе в женщину значительно старше По, мать одного из его школьных товарищей, которая сошла с ума и скоропостижно скончалась всего через несколько месяцев после их встречи. Кроме того Эдгар дерзил, огрызался на старших, помыкал сверстниками, пользуясь своим природным обаянием и харизмой... Когда юноше исполнилось семнадцать, чаша терпения опекуна переполнилась, и Джон Аллан нашел выход — не самый типичный для американского Юга, где практическая сметка всегда ценилась выше формального образования. В феврале 1826 года По разлучился с юной невестой и отправился в Шарлотсвилл, чтобы стать студентом Виргинского университета, недавно основанного президентом США Томасом Джеферсоном.

Возможно, поначалу это решение казалось Джону соломоновым, но скоро у него появился повод раскаяться в своем поступке. В середине 1820-х годов профессора Виргинского университета занимались со студентами, проходящими «общий курс», максимум три с половиной часа в день. Предполагалось, что остальное время вчерашние подростки посвятят чтению душевспасительных книг и духовному росту. Трудно понять, чего тут больше — прекраснодушия или идиотизма. Разумеется, ока-

завшиися без присмотра юные «южные джентльмены» вместо самообразования спешили попробовать все то, от чего строго-настрого предостерегали их строгие родители — в первую очередь алкоголь и азартные игры. Не отставал от других и будущий автор «Вброна», которого предусмотрительный отчим снабдил крайне скромной суммой карманных денег. Загул продолжался долго — Джон Аллан узнал об этом только через полтора года, когда на пороге дома, где жил молодой По, уже стояли кредиторы. За время учебы в Шарлотсвилле тот успел наделать долгов, прежде всего карточных, на 2500 долларов — сумма, на которую в Джорджии можно было купить двух-трех молодых и сильных рабов для работы на шахте. Взбешенный опекун лично явился забрать Эдгара из этого гнезда разврата — и отказался оплатить почти все его долги, кроме самых первостепенных.

Ну а по возвращении в Ричмонд выяснилось, что за время отсутствия пасынка Джон расстроил его помолвку: родители перехватили романтическую переписку возлюбленных, провели профилактическую беседу с невестой, и в итоге девушка, с которой поэт планировал связать свою жизнь, была вынуждена выйти замуж за другого. Это стало главным поводом для скандального разрыва с Алланом и решительного ухода Эдгара из семьи — события, во многом предопределившего всю его судьбу и творческую биографию.

Надо признать, и Аллан, и сам По сделали все возможное, чтобы накалить и драматизировать эту ситуацию до предела. С одной стороны, судя по опубликованным фрагментам переписки, Эдгар абсолютно не отдавал себе отчета, что ричмондский торговец ничем ему не обязан: все что делал этот человек для абсолютно чужого ребенка, подростка и юноши, делалось исключительно из христианского сострадания — в итоге Аллан уделил неблагодарному пасынку гораздо больше внимания, чем своим собственным родным детям. С другой стороны, американский бизнесмен «эпохи первоначального накопления капитала», который по определению должен был виртуозно вести дела с самыми разными людьми, проявил потрясающую глухоту, нечуткость и прискорбное неумение идти на компромисс. В общем, чистая мелодрама, болливудский ситком с песнями, плясками и живописным рядом могил в финале.

Уже на этом этапе мы сталкиваемся как минимум с двумя Эдгарами По. Один — романтичный, доверчивый, вечно витающий

в облаках юноша, который попал под дурное влияние более искушенных сверстников, не устоял перед соблазнами разгульной студенческой жизни и покатился по наклонной. Другой — богато одаренный от природы, но предельно эгоцентричный, сосредоточенный только на себе злой мальчишка, выросший изпод жесткого контроля, наконец давший волю своим страстям и с наслаждением пустившийся во все тяжкие. У каждой из этих версий есть свои сторонники и противники, и та и другая до некоторой степени подтверждены письмами и воспоминаниями современников, но какая ближе к реальности, мы можем только гадать. И это только начало, только первый шаг Эдгара По по бесконечному лабиринту расходящихся тропок...

АКУЛА ПЕРА, ЗЛОБНЫЙ КРИТИК, РАЗРУШИТЕЛЬ РЕПУТАЦИЙ

«Критик — тот, кто рассказывает автору, как написал бы его книгу, если бы умел писать» — разумеется, в этом популярном афоризме, как и в большинстве крылатых фраз, есть зерно истины. Но крохотное, для изучения под электронным микроскопом. Слишком много исключений из правила — великих писателей, известных своим современникам в первую очередь как критики и журналисты. И уж определенно тот, кто цитирует этот мем, не знаком с биографией Эдгара Аллана По — хотя бы мельком, поверхностно.

Будущий автор «Ворона» пробовал себя во многих областях. Покинув Ричмонд после скандала с опекуном, он попытался сделать карьеру военного: полтора года прослужил в американской армии, получив звание главного сержанта (но заскучал и уволился, наняв за 75 долларов «заместителя» — солдата, который готов был занять его место и до конца отработать контракт). Через некоторое время поступил в Вест-Пойнт — но полгода спустя вылетел из военной академии как пробка из бутылки за неподобающее поведение, карикатуры и эпиграммы на начальство, а также «неповиновение приказам» и «грубое нарушение служебного долга». Издал несколько поэтических сборников — крошечными тиражами и преимущественно за свой счет, причем ни один не принес ожидаемой громкой славы. Начал осваивать ремесло новеллиста, поучаствовал в паре литературных конкур-

ЭДГАР АЛЛАН ПО

сов и один даже выиграл. Жил то в долг, то впроголодь — а чаще и то и другое одновременно. Несколько раз упустил шанс сделать традиционную американскую карьеру, стать тихим клерком или секретарем с небольшим, но постоянным окладом, который позволил бы навсегда распрощаться с нищетой.

Однако нашел себя Эдгар По именно в кресле редактора литературного журнала.

Первый серьезный опыт такого рода он получил, как ни странно, в родном Ричмонде, куда ненадолго вернулся через девять лет после эпического скандала с отчимом. Издатель недавно созданного журнала «The Southern Literary Messenger» остро нуждался в толковом и трудолюбивом помощнике, а наш герой, как обычно — в деньгах. В итоге с 1835 по 1837 годы «Messenger» стал главной площадкой для публикаций Эдгара По, причем не столько для прозы и публицистики, сколько для книжных обзоров и литературной критики. Поэт практически безраздельно властвовал в разделе «Editorials», объем которого доходил до сорока страниц, и безжалостно изобличал писателей-северян — судя по росту тиража, виргинским джентльменам (а в первую очередь — их дочерям и женам) пришлось по вкусу азарт и остроумие, с которым молодой критик бичевал зарвавшихся янки.

После переезда в Пенсильванию с 1839 по 1840 год Эдгар По выполнял обязанности заместителя главного редактора другого литературного журнала, «Burton's Gentlemen's Magazine». Здесь поэт продолжил свою карьеру ниспровергателя авторитетов и, в частности, впервые проделал трюк, который позже станет для него коронным: обвинил в плагиате Генри Лонгфелло, самого известного и самого любимого литератора тогдашней Америки. К чести классика, на выпады тот отвечать не стал — а может, просто не придал внимания мнению какого-то там бумагомараки: нехай клеветают. Ну а вершины своей редакторской карьеры Эдгар По достиг в 1841—1842 годах в «Graham's Lady's and Gentlemen's Magazine», «Журнале Грэма». За краткий срок редакции, где наш герой занимал один из ключевых постов, удалось поднять тираж с пяти до сорока тысяч экземпляров — цифра, которая по сей день производит довольно сильное впечатление.

В 1845 году, после публикации «Ворона», мгновенно прославившего его имя, Эдгар По даже стал пайщиком, а потом и единственным владельцем нью-йоркского издания «Broadway Journal». Здесь он развернулся во всю ширь: обвинил в плагиате

уже не только Лонгфелло, но и других писателей, прошелся по своим бывшим друзьям-южанам, заклеил американские СМИ за бессовестную эксплуатацию несчастных авторов и вообще вывалил все что накопилось на душе. Правда, в процессе обличения По умудрился распугать авторов, и, что важнее, настроить против себя читателей: вскоре «Broadway Journal» лишился подписчиков и обанкротился — несмотря на все усилия отыскать новые источники финансирования.

Как критик Эдгар По охотно (и небезвозмездно: статьи — это вам не стихи какие-нибудь) выступал и на страницах других американских изданий. Часто его публикации имели серьезный резонанс. Например, заочная дискуссия между автором «Ворона» и Руфусом Грисуолдом, составителем успешного сборника «Поэты и поэзия Америки», переросла в полномасштабный скандал. В цикле статей «Поэты и поэзия Филадельфии» По расставил приоритеты совсем иначе — и не преминул пренебрежительно прокомментировать работу Грисуолда. Тот ответил переходом на личности, нелестно отозвался о моральном облике оппонента — и пошло-поехало.

Другая не менее острая серия очерков, «Литераторы Нью-Йорка», опубликованная в 1846 году, имела такой успех, что списки продавались поштучно — и достались не каждому желающему. В этом цикле поэт помимо прочих оскорбил своего бывшего друга Томаса Инглиша — тот немедленно опубликовал разгневанную статью в одной из нью-йоркских газет. На сей раз По не ограничился комментарием в прессе: вместе с издателями очерков он подал в суд на Инглиша и выиграл иск о защите чести и достоинства. Впрочем, для нас, потомков, важнее то, что благодаря этому скандалу на свет появился рассказ «Бочонок амонтильядо» — изящная точка в финале долгой и не слишком красивой перебранки.

Наконец, именно с работой журналиста, редактора и издателя, а не с поэзией или прозой, Эдгар По связывал и свое будущее. Еще в конце 1830-х годов он разработал проект «идеального литературного журнала», с лучшими авторами, лучшей полиграфией, приличными гонорарами, продуманной системой распространения. Называться этот журнал должен был «Penny Magazine». К этому моменту По неплохо знал журнальный рынок, изучил закулисные издательской жизни, наладил связи со многими влиятельными поэтами, прозаиками, критиками Аме-

рики. Не хватало одного: финансирования. Попросту говоря, денег. Постепенно концепция менялась, проект трансформировался, но надежда запустить свое детище не оставляла По даже в самые темные для него годы. Именно очередная попытка дать жизнь «идеальному журналу», именуемому теперь «The Stylus», привела его в 1849 году в Балтимор, где путь поэта оборвался навсегда...

И снова образ двоится, троится, рассыпается на осколки. Страдающий гений, не признанный современниками, не понятый читателями и толком не издававшийся при жизни. Успешный редактор, профессионал с оригинальным видением литературного пейзажа Америки, неустанным трудом поднявший тиражи нескольких журналов. Глубокий теоретик и внимательный исследователь «текущего литературного процесса». Модный литературный критик, скандалист, разрушитель репутаций, автор сотен статей и рецензий, в основном ядовитых и, что греха таить, не всегда справедливых. Все это, в общем, правда — насколько можно судить из дня сегодняшнего. Хотя определенно и не «вся правда, как она есть».

Но это еще цветочки: главный сюрприз для биографов Эдгара По судьба приберегла напоследок.

ВО ВСЕ ТЯЖКИЕ

Чрезмерное увлечение спиртным принято считать главной причиной всех провалов и неудач нашего героя, а в конечном счете — и его преждевременной трагической гибели. Широко обсуждать проблемы автора «Ворона» начали еще при его жизни — и не остановились после смерти. По мнению некоторых современников, тяга к алкоголю привела По на грань безумия. Андрей Танасейчук, автор самой подробной и глубокой биографии поэта, изданной в России, приводит цитату из воспоминаний того самого Руфуса Грисуолда: «Он бродил по улицам, охваченный не то безумием, не то меланхолией, бормоча невнятные проклятия, или, подняв глаза к небу, страстно молился (не за себя, ибо считал, или делал вид, что считает, душу свою уже проклятой), но во имя счастья тех, кого в тот момент боготворил; или же, устремив взор в себя, в глубины истерзанного болью сердца, с лицом мрачнее тучи, он бросал вызов самым свирепым бурям и ночью, промокнув до нитки, шел сквозь дождь и ветер, отчаян-

но жестикулируя и обращая речи к неведомым духам, каковые только и могли внимать ему в такую пору, явившись на зов из тех чертогов тьмы, где его мятущаяся душа искала спасения от горестей, на которые он был обречен самой судьбой...»

Вероятнее всего, проблемы начались еще во время учебы в Виргинском университете — по крайней мере, однокашники Эдгара По по Шарлотсвиллу дружно вспоминают веселые студенческие попойки, да и за игровым столом едва ли обходилось без алкоголя. Частые запои, во время которых По совершенно не мог работать, называют и одной из главных причин увольнения из «The Southern Literary Messenger» и «Graham's Lady's and Gentlemen's Magazine». Что, впрочем, не помешало По добиться роста тиражей обоих журналов. Однако зависимость от алкоголя стала предметом открытого обсуждения в американском литературном обществе лишь в последние годы жизни «сумрачного гения». Во время свары, последовавшей за публикацией «Поэтов и поэзии Филадельфии», а затем «Литераторов Нью-Йорка», противники использовали его пьянство как главный свой козырь — демагогическим приемом «переход на личности» в Америке девятнадцатого века владели виртуозно.

Разумеется, зависимость от алкоголя не была вымыслом злопыхателей от начала до конца, хотя они, возможно, и сгущали краски. В переписке с друзьями и родными По сам не раз признавал за собой такой грех, и время от времени строго-настрого зарекался: «больше ни капли». В 1848 году, после тяжелой болезни, врачи категорически запретили поэту пить, опасаясь за его сердце. Тем не менее смерть Эдгара Аллана По традиционно связана в сознании читателей с его финальным алкогольным трипом — и, возможно, небезосновательно.

Последние месяцы жизни нашего героя расписаны по дням, а в некоторых случаях — по часам. В 1849 году перед Эдгаром По в очередной раз замаячил шанс реализовать свою давнюю идею-фикс и запустить литературный журнал «The Stylus». Чтобы привлечь читателей и собрать подписчиков, а заодно немного заработать, поэт планировал прочесть серию лекций в крупных городах Америки, где его знали и ценили. 29 июня он выехал поездом из Нью-Йорка в Филадельфию, чтобы сесть на пароход до Ричмонда, но на борт так и не попал. Несколько дней спустя он был ненадолго задержан филадельфийской полицией за то, что находился в публичном месте «в неподобающем виде», а 2 июля

ЭДГАР АЛЛАН ПО

постучался в мастерскую своего друга, художника Сартейна — со словами, что его преследуют и хотят убить. Самое печальное, что в своих странствиях он потерял конспекты лекций и все деньги — и добрался до Ричмонда, откуда должен был выдвинуться в Балтимор, только 14 июля. Показательно, что сам По горячо отрицал версию с запоем. «Более десяти дней я был совершенно невменяем, хотя не пил и капли», — писал он любимой теще.

В Ричмонде По очевидно взял себя в руки: с успехом провел цикл лекций при большом стечении народа, всех очаровал и договорился о помолвке со своей возлюбленной юношеских лет, к этому моменту очень кстати овдовевшей. 25 сентября он собрал вещи и пошел попрощаться с друзьями. Последняя, кто его видел в этот день, мисс Шелтон, потенциальная супруга По, проверила поэта пульс «и нашла, что у него лихорадка» — но отговорить от поездки не сумела, а утром было уже поздно: пароход увез Эдгара в последнее плавание.

Судно прибыло в Балтимор 28 сентября, но ни у кого из знакомых автор «Ворона» так и не появился. Его обнаружили только во второй половине дня 3 октября, в таверне около избирательного участка, в сильно потрепанном виде и в одежде с чужого плеча. Не приходящего в сознание По, периодически впадающего в буйство и выкрикивающего: «Рейнольдс! Рейнольдс!», отправили в госпиталь, где он и скончался перед рассветом 6 октября 1849 года.

Загадка на загадке, неисчерпаемый материал для конспирологических теорий разной степени безумия и откровенных фантазий. Однако пуританская Америка вынесла свой вердикт быстро: виной всему пьянство и распущенность, а так же дурная наследственность, низкое происхождение, слабость характера и глубокая аморальность. Таким выводам немало поспособствовали Томас Инглиш с его романом «Гибель алкоголика» и Руфус Грисуолд, автор первых подробных (и далеко не лестных) воспоминаний об Эдгаре По.

По-разному объясняют слабость нашего героя и его защитники из числа позднейших биографов. Пил с горя, топил в вине обиды и разочарования, мысли о болезни медленно угасающей жены, позже — прятался в бутылке от всеамериканской травли. Стал жертвой тяжелой наследственной болезни: старший брат Эдгара По, моряк, сгорел от алкоголя в возрасте двадцати четырех лет, а младшая сестра всю жизнь страдала слабоумием.

Любопытную теорию выдвигает в своей биографической книге Андрей Танасейчук: по его предположению, в силу низкой сопротивляемости алкоголю По было достаточно одной рюмки, чтобы напиться до бесчувствия. Биограф ссылается в частности на Майн Рида, который несколько лет плотно общался с поэтом: «Один бокал шампанского производил на него такое сокрушительное воздействие... что он едва ли потом мог нести ответственность за свои действия». Еще более сенсационную версию гибели По предложили медицинские журналисты Анна Хоружая и Алексей Паевский в книге «Смерть замечательных людей». Проанализировав известные нам симптомы, они пришли к выводу, что со спиртным гибель поэта вообще не связана: по их мнению, тот стал жертвой бешенства, вирусного инфекционного заболевания с инкубационным периодом от 10 дней до 3—4 месяцев, ведущего к помутнению рассудка, асфиксии и остановке сердца.

Очень хотелось бы, конечно, установить окончательную истину, ткнуть пальцем: вот это — стопроцентно подлинный Эдгар По, а все остальное — имитации, симулякры, более или менее сложные подделки. Но фигура такого масштаба, да еще при столь пристальном изучении, неизбежно распадается на пиксели, на отдельные точки даже у самого ответственного и беспристрастного исследователя. Пожалуй, настоящий Эдгар По (насколько близко вообще мы способны подобраться к истине) и есть сочетание несочетаемого: распутник и святой, расчетливый интриган и витающий в облаках мечтатель, критик и поэт, безумец и гений рационального мышления — все одновременно.

Ну а остальное о нем скажут его произведения, стихи и рассказы, рецензии и эссе. Хотя, конечно, и в этих текстах каждый читатель найдет только часть не поддающегося описанию целого — зато непременно обнаружит и что-то исключительное, особое, только своё.

© Василий Владимировский, 08.01.2019

**НЕОБЫКНОВЕННОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ
НЕКОГО ГАНСА ПФААЛЯ**

Мечтам безумным сердца
Я властелин отныне,
С горящим копьем и воздушным конем
Скитаюсь я в пустыне.

Песня Тома из Бедлама

Согласно последним известиям, полученным из Роттердама, в этом городе представители научно-философской мысли охвачены сильнейшим волнением. Там произошло нечто столь неожиданное, столь новое, столь несогласное с установившимися взглядами, что в непродолжительном времени, — я в этом не сомневаюсь, — будет взбудоражена вся Европа, естествоиспытатели всполошатся и в среде астрономов и натуралистов начнется смятение, невиданное до сих пор.

Произошло следующее. Такого-то числа и такого-то месяца (я не могу сообщить точной даты) огромная толпа почему-то собралась на Биржевой площади благоустроенного города Роттердама. День был теплый — совсем не по времени года, — без малейшего ветерка; и благодушное настроение толпы ничуть не омрачалось от того, что иногда ее спрыскивал мгновенный легкий дождичек из огромных белых облаков, в изобилии разбросанных по голубому небу. Тем не менее около полудня в толпе почувствовалось легкое, но необычайное беспокойство: десять тысяч языков забормотали разом; спустя мгновение десять тысяч трубок,